Владимир Фомичев
Человек и история
Книга первая
Послевоенное детство на Смоленщине

Владимир Фомичев

Человек и история. Книга первая. Послевоенное детство на Смоленщине

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8702952
Человек и история. Книга первая. Послевоенное детство на Смоленщине: Издать Книгу;

Аннотация

Первая книга автобиографического цикла «Человек и история», где автор рассматривает собственную жизнь в контексте истории нашей страны, которая складывается из отдельных человеческих судеб, историй семей и народов, сливающихся словно ручейки в мощный поток многоводной реки.

Рождённый накануне Великой Отечественной войны в деревне Тыкали на Смоленщине, автор начал жизнь в самом пекле войны, на оккупированной территории.

Много воды утекло с тех пор, но воспоминания не исчезают в прошлом, не утрачивают яркости. Пронзительные и трепетные, они дарят тепло и ощущение того, что любой возврат назад, в прошлое, это уже возвращение домой. А дома не может быть плохо, даже если идёт война.

Трагизм времени сглажен детским взглядом, в повести видна некоторая отстранённость от самих военных действий, точных имён и событий. Но при этом все предельно понятно. Это обстоятельство придаёт истории достоверность, ведь наш герой слишком мал, чтобы давать серьёзные оценки миру вокруг. Мальчик просто не понимает, как можно жить по-другому, ведь он родился всего за два месяца до войны.

Вместе с ровесниками он весело играет в окопах, собирает не только грибы, ягоды, но и гранаты-лимонки, ловко вытаскивая чеки и взрывая их, щекоча себе нервы. Здесь же дети войны осваивают азы арифметики, учась считать патроны в рожках, дисках и обоймах. Тут же постигали и грамоту. Надписи на бортах машин, вещах, опознавательные знаки, листовки – самые первые буквари для детей в те годы.

Военное детство воспитало особые качества в людях той поры. Герой книги не стал исключением. Техническая смекалка, расторопность, обострённый инстинкт самосохранения привели его к первым шагам по дороге познания и творчества.

В книге удалось сохранить самобытность послевоенной деревенской жизни, яркие образы односельчан, любопытные детали быта тех времён.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Место на глобусе	8
Глава вторая. Из тьмы на свет	10
Глава третья. Ясельный период	16
Глава четвёртая. Детские игры	20
Глава пятая. Не тот уже немец	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Фомичев
Человек и история. Книга первая. Послевоенное детство на Смоленщине

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Я в грёзах, иногда, душой стремлюсь туда,
В брегах крутых, где вьётся Днепр древний.
Где детство и нужда, как вешняя вода,
Ручьём бурлящим мчится вдоль деревни.
Теченьем ветхих книг, к которым я приник,
Впадал в миры волшебные, иные,
А птичьей стаи крик, что в сердце мне проник,
Зовёт в края далёкие и ныне.
Я в радостных слезах хотел воспеть в стихах
Поля, луга в канве лесных окраин.
До темноты в глазах смотрел, как в небесах,
Пасхальным утром солнышко играет.
Там хлад рассветных рос, в июньский сенокос,
С горячим потом единились пряно,
А звон сталистых кос и хор младых берёз,
С изока пеньем – партитура прямо.
Жужжанье летних мух, без ветра знойный дух,
Сорочий крик с украденным цыплёнком,
Песок горяч и сух, лишь взбаламутят вдруг,
Речную гладь резвящие мальчонки.

Вечерняя пора сбирает у двора
Жильцов усталых на ночлег обычный.
И сон спешит не зря, ведь алая заря

Поднимет рано всех на труд привычный.
Уж скошены поля и вспахана земля,
Дорога в школу через лес петляет,
А в нём соблазна для, учёбу отдаля,
Костёр брусники жарко полыхает.
Всё ближе холода, вода под коркой льда,
Взялись бетоном глинистые грязи.
Пошла в дровах нужда и груз телег тогда
С тяжёлым скрипом из лесу вылазит.
Забрезжил свет в окне: О, выпал первый снег!
И мать, ругаясь, печку затопляет.
Всё чудно, как во сне, а руки, как в огне,
Когда снежок в ладонях детских тает.
О, русская зима! Красавица зима! —
Овации срывает, как актриса.
В сугробах вся сама, все в инее дома
И ждут все новогоднего сюрприза.
Как скользок санный путь и как морозом грудь
С колючим кислородом распирает.
И лес, ни как-нибудь, а посуровев чуть,
Своих жильцов так снежно прикрывает.

Вот детства эпилог: грядущий путь далёк,
Всё радостно, что детство окружало,
И счастлив, кто сберёг в чреде пустых тревог,
Ту свечечку, что душу освещала.

Глава первая. Место на глобусе

Сразу же можно начать с названия деревни, где по воле судьбы я родился и прожил свои детские годы. Но в этом рассказе будет отражена картина только нескольких дней, наиболее запомнившихся своей необычностью и яркостью.

Название деревни было действительно необычное, а в контексте названий окружающих деревень, так и вовсе выглядело неприличным. Называлась она «Тыкали». И никто из аборигенов не мог объяснить, откуда произошло это название. Мололи всякую чепуху: стычка тут была с Наполеоном, три кола, и прочая дурь. Из названий близлежащих деревень даже получилась шутка: «Козлы, Бежали, Глубоко, Тыкали». Много позже я объяснил топонимику названия своей деревни. Дело в том, что эта деревня находилась недалеко от границы Белоруссии, да и Украина была не за горами. Так что смесь языков была много диалектной, этакий коктейль. Поэтому, если перевести русское «ты когда» на «деревенский язык», как жители гордо называли свой диалект, то, как раз и получится название этой деревни – Тыкали. Жители деревни начинали свой диалог со слов: ты кали… (пойдёшь, будешь, купишь и так далее). Из-за этого их постоянного употребления: ты кали… и получилось название деревни – Тыкали (ты когда). Некоторые продвинутые молодые жители деревни, стесняясь этого названия, хотели

поменять его на более благозвучное и даже преуспели в этом, но название «Приднепровье» прижилось только в документах, а название «Тыкали» запечатлелось в сознании местных жителей до скончания их века.

С исторической и географической точек зрения, местоположение этой деревни тоже крайне интересно. Расположена она на левом берегу Днепра, где он ещё не широк, как у Гоголя, но глубок, среди крутых и извилистых берегов вьётся. Смоленск находится в шестидесяти километрах выше по течению. А в двадцати километрах расположился город «Красный», где Наполеона крепко побили, провожая домой во Францию. Жители деревни слышали канонаду этого сражения. Маршал Ней, не доходя до этого побоища, навёл переправу по ещё тонкому льду на правый берег Днепра, недалеко от деревни и тем избежал разгрома.

А если ещё вглубь истории, то «путь из Варяг в Греки» пролегал по Днепру, мимо этой же деревни.

Глава вторая. Из тьмы на свет

Я родился перед второй Отечественной войной, причём, ровно за два месяца до её начала. Родители желали дать мне имя Михаил, в честь деда, но их уговорили назвать меня Владимиром, как бы по «новым советским святцам», в честь вождя. В церковных же святцах на этот день приходилось имя Вадим.

Первые два месяца моей жизни на этом свете, я проплакал. Правда, это мягко сказано, я не плакал – я орал! И ничто не могло меня успокоить: ни обилие молочной пищи, получаемой от матери, ни даже угроза отца, только что пришедшего с войны с Польшей и получившего там контузию, обещавшего взять меня за ножки и разбить мою голову об угол хаты.

Тайну моего плача я мог бы объяснить сам, но я ещё был не говорящий, а мой крик никто не понимал. Таким бывает, очевидно, глас вопиющего в пустыне. Тайна, которую я так настойчиво пытался открыть, была, если кратко: Вождь, бойся фюрера! А когда в четыре часа утра, земля застонала в чаду пожарищ начавшейся войны, я перестал плакать, но заголосили миллионы людей.

Отец мой, уходя на войну, наклонился над моей колыбелью и почти стихами, с рыданием в голосе, попрощался со мной: ухожу я от тебя, и не будешь ты знать меня. Он ушёл

вместе с моими дядюшками и другими жителями деревни. Домой из них не вернулся никто!

А так как фронт есть фронт и на войне, как на войне, стало быть, это не то место, где можно лежать, сидеть, стоять, медленно ходить, неуверенно перебирая маленькими ножками. Здесь, чтобы выжить, или хотя бы повысить шансы на выживание, нужно бегать быстрее и хитрее самого зайца. К тому же, необходимо использовать всевозможные укрытия: окопы, траншеи, канавы, обычные ямы, заросшие кустарником овраги и, конечно лес. Во всяком случае, это то место, где можно разминуться с пулей, осколком бомбы или снаряда.

Деревня «Тыкали», как уже говорилось, располагалась в нескольких десятках метров от крутого берега Днепра. Метрах в двухстах на противоположной стороне проходила стратегическая железная дорога на запад: Москва-Орша-Минск и далее через Прибалтику, прямо на Берлин. От этой железной дороги, тоже через несколько сотен метров по болоту, пролегала тоже стратегическая, но уже шоссейная дорога Москва-Минск. В первые месяцы войны движение по этим транспортным артериям было, в основном, в восточном направлении. Почти друг за другом тянулись составы, окутанные чёрными и серыми дымами, а с шоссе слышался воющий лай покрышек машин, трущих асфальт. Небо постоянно гудело от крестоносных самолётов разной величины. Эти летали на восток и обратно. Изредка появлялись и самолёты с красными звёздами. Они торопливо и беспорядочно осво-

бождались от своего груза, и бомбы летели куда попало, на территорию, где врагов ещё не было, но зато и вероятность быть сбитыми, тоже не существовала. Правда, один красный сокол оказался очень метким: он так ловко вывалил бомбу на хату Стефана, что на её месте оказалась огромная глубокая яма – наполняй водой и разводи карасей!

На лес, из-за его непроглядности, меньше всего сбрасывалось этого «добра». А уж в какую-нибудь хатку, сарайчик можно было прицелиться с самолёта, в отчёте же указать, что это был замаскированный танк, а оглобля телеги была его стволом.

На войну, в её общепринятом понимании, особенно в её первые месяцы, было мало похоже. Это было массовое убийство плохо вооруженных, а то и совсем безоружных людей. Да, именно, людей, так как назвать солдатом не вооруженного и не обмундированного человека – нельзя! Немцы были поражены не стойкостью и героизмом советских солдат, а огромным количеством пленных. Когда, о миллионах пленных, доложили фюреру, он задумался: а вдруг это какой-то тайный план этих хитрых азиатов? А если сдадутся сразу миллионов сто? А если прибавить китайских добровольцев? Их даже пересчитать не возможно! Да это же катастрофа! Тут вместо «блицкрига», эта масса в несколько недель поглотит тысячелетний рейх! Фюрер нервно захихикал, ломая руки!

Если по железной и шоссейной дорогам перемещались

огромные количества людей и грузов, спасаясь от нашествия тевтонов, то через деревню торопливо проходили рассредоточенные, неорганизованные солдаты, по виду мало напоминавшие регулярную армию. Это были, скорее всего, те, которым вовсе не улыбалось попасть в плен. Да и солдатская одежда на многих из них, явно была с чужого плеча. Кто-то из жителей жалел их, кормил, а некоторые презирали, даже ненавидели, а то и просто не замечали. Потом всё затихло, как перед сильной грозой.

– Германец – силён, видишь, как прёт, – сказал мой дед Самуил, – он эту деревню перемешает с землёй вместе с нами, так что надо идти в лес и копать там землянки.

Кстати, лес отстоял от деревни всего в полукилометре. Сказано – сделано. Пошли строить землянки. Но не все. И как только пробежали последние советские солдатики, некоторые жители начали готовиться к встрече немцев. Достали из сундуков праздничные наряды, испекли каравай, выгнали самогон, поставили столы на дороге у крайней хаты, накрыли их и стали ждать гостей.

Вскоре подкатила на мотоциклах немецкая разведка. Увидев такой радушный приём, «освободители» быстро освободили столы от угощения, потискали разодетых «по случаю» баб и подъехали к колодцу с экзотическим журавлём, где раздевшись наголо, стали обливаться ледяной водой, истошно гогоча на всю деревню, привлекая внимание жительниц, истосковавшихся по мужской плоти, пусть даже немецкой.

После того, как прошли передовые части немцев, в деревню прикатили представители «новой власти», для организации «нового порядка». Довольно добродушный, приличного вида немец, к тому же хорошо говоривший по-русски, объяснил жителям деревни законы нового порядка, которые всем очень понравились. Немец в частности сказал, что если народ пожелает, то могут сохранить колхозы. А если нет, то могут распорядиться землёй и всем колхозным добром по своему усмотрению. Никакого налога, пока, во всяком случае, никому платить не надо, а продукты их будут покупаться за немецкие деньги по рыночным ценам.

– Отец родной! – возликовали жители деревни.

Тут же выбрали старосту из наиболее активных, радушно встречавших своих освободителей. Колхозы отринули единодушно, а землю и всё общее имущество быстро поделили. И даже через кондовую русскую недоверчивость и настороженность, проглядывала радость свободы: посеешь семечко и то твоё!

Осталось глубоко внедрённое в сознание, особенно русских людей, понятие «своих и врагов». Так выбранный народом, при немцах староста – это враг, немецкий холуй, а вот партизан – это герой, защитник, мститель. А так ли это? Дезертиры из той же «красной армии», прятавшиеся по лесам, как от немцев, так и от «советских», до поры, обирали окрестных жителей, забирая у них продовольствие, тёплую одежду, особенно искали самогон, не стеснялись отнимать

последнее. А вот староста, радевший за избравшее его общество, знал, что его не помилуют «наши», если придут.

Так началась моя жизнь в оккупации или, как говорили: при немцах.

Глава третья. Ясельный период

Маленькие ножонки быстро бегали, а маленькие ручонки тянулись к взрослым игрушкам, к таким, как гранатки, пистолетики, автоматики, карабинчики, короче, недостатка в таких игрушечках не было, особенно в лесу. Собирают дети ягоды, грибы, заодно подбирают и понравившиеся вещицы, в виде бельгийского браунинга, полевой сумки, с её содержимым, указующим на воинскую принадлежность хозяина.

Очень нравились гранаты-лимонки и не только от их жизнерадостного жёлто-зелёного цвета, но и из-за своей лёгкости, а при взрыве, из-за отсутствия, противно жужжащих, осколков. Достаточно найти небольшую яму, устроиться в ней, и маленькими ручками ловко ввинтить детонатор, вытащить чеку и выбросить гранату, стараясь подальше от своей ямы! Съёжившись на дне ямы, лежать тихо несколько секунд после того, как встряхнуло землю, а уж потом, оценить дело рук своих и гранаты. Таким образом, получался выброс пресловутого адреналина, совершенно неизвестного в нежном возрасте. Подобные игры из-за их многочисленности и ординарности быстро забывались.

Помимо всего прочего, эта игровая практика давала некоторое образование.

Азы арифметики, а конкретно, её счёт, постигались через подсчёты патронов в рожках, дисках и обоймах. При взгляде

на патрон или снаряд, сразу безошибочно определялся калибр. По воронкам в земле, могли сразу определить вес авиабомбы. Наземную и воздушную технику безошибочно различали по типам, сериям, названиям и прочим классификациям.

Тоже происходило с познанием грамматики, и не только русской, но и немецкой, так как они имели хождение примерно равное. Это были надписи на бортах машин, вещах, опознавательные знаки, а также листовки и газеты.

В сознании произошла переоценка привлекательности и достоинства сказочных, исторических и литературных героев. Взять, к примеру, рыцаря, богатыря в доспехах, на лошади, со щитом, с копьём. Ну что он мог бы сделать против карабина с обычной бронебойной пулей?! А индейцы, с их луками, стрелами, томагавками, против автоматной очереди? А их бесшумные лазутчики, против замаскированных противопехотных мин? А змей Горыныч, против зенитного пулемёта? – детский лепет!

Вот к примеру поэтический образчик из «Букваря» того времени:

Слышен рокот самолёта,
В тёмном небе бродит кто-то:
Если враг – он будет сбит,
Если свой – пускай летит!

Искусство, в частности живопись, была представлена са-

мой природой, а её проникновение в душу, в сознание, было настолько велико и всеобъемлюще, что она своей благодатью оттесняла звериные чувства и инстинкты войны. Это то, что касается поэзии и живописи. Но, а как насчёт музыки? Она была основой тех страшных времён. Взять, к примеру, двух «Катюш»: одна из них выходила на крутой берег и от голоса которой, млели сердца бойцов. А вот от рыкающего голоса другой «Катюши», от её ослепительных дуг в ночных небесах, тут, как говориться, холодок бежал за ворот и мурашками бегал по спинам. А уж там, где рвались её снаряды, начинённые фосфором, этим предшественником напалма, биология спекалась с земным прахом.

Не нашлось композиторского гения, которой был бы в силах написать симфонию, отразившую вакханалию звуков войны. А ведь какой богатый материал! Очень низкие басы, исполнителями которых являлась канонада тяжёлых дальнобойных орудий, дополнялась баритонами тяжёлых самолётов бомбардировщиков, тенорами падающих бомб, свистом мин и дискантами, трассирующих, рикошетирующих пуль, напоминающих колокольчики воробьиных стаек. Здесь присутствовало всё: воспитание, обучение и духовное образование, как говорится, три в одном. Так что, пошлая тирада, о потерянном поколении времён войны, вряд ли справедлива. Это поколение – дорогого стоит!

Я жизнь земную начинал рыдая,

Возможно, что в предчувствии беды…
Виляя задом, девка молодая,
Спешит к колодцу, чтоб набрать воды.
Восходы дни меняли на закаты
И я затих, вдруг сразу присмирев…
И парня, провожая как солдата,
Поникла девка, словно овдовев.
Тряслось в схороне маленькое тельце,
От взрывов и под канонадный вой…
Убили парня – убивать умельцы,
И девку, что спешила за водой!

* * *

Что касается меня, то я мало вникал в эти мирские дела, ел, что дают и что мог усвоить, мой мало месячный организм. Не любил темноты и, чтобы не нарушать светомаскировки, мать меня укладывала под стол и накрывала его одеялом и туда же ставила зажжённую лампадку. Тогда самолётики, нагруженные «бомбочками», пролетали мимо, не беспокоя моё уединение.

Но война – есть война! Наши наступали, и немцы погнали всех жителей деревни на запад, но уже немецкий порядок был не тот, видать разладился на российском бездорожье. Так что, пока гнали, все и разбежались. Отогнали немцев. Пришли наши освободители.

Глава четвёртая. Детские игры

Мне было несколько лет, когда освободили Смоленщину и, стало быть, нашу деревню. Я уже уверенно ходил, даже бегал, если в том была нужда. Научился говорить и мог вести бесконечные беседы, было бы только с кем. А так как собеседников было трудно найти из-за их постоянной занятости делами, то приходилось общаться, с кем попало: с цыплятами, валенками и даже с дедовой собакой Жучкой, которая зарычала и ткнула своим носом в мой нос, когда я помешал ей лакать свою еду. Я завыл и решил больше с ней не играть, и не дружить.

Где-то в этом возрасте я уже познакомился с оружием. Нет, не с теми деревяшками, которые изображают ружьё или пистолет, а с самым настоящим.

В нашу хату пришёл на постой лейтенант. Он поставил свои вещи, повесил на крюк в стене кобуру и пошёл по своим делам. Какой подарок судьбы! Момент и я уже уединился на печи с офицерским пистолетом. А тут, как всегда некстати, вошла бабка и, увидев до зубов вооруженного внука, бросилась вон из хаты с криком: застрелился!

На крик появился лейтенант. Он вбежал как раз в тот момент, когда я пытался снять затвор, оказавшийся очень тугим для моих пальцев. Поняв, что меня могут сейчас разоружить, я попытался отпугнуть лейтенанта, направив на него

его же оружие. Но этот нехороший дядя очень ловко подскочил ко мне и вырвал пистолет. Я поднял такой истошный вой, что лейтенант тут же выскочил из хаты, выстрелил, вытащил обойму и вернул мне оружие! Лучше всех ароматов на свете, был для меня в этот миг запах пороховой гари, только что выстрелившего пистолета!

Немцев отогнали, но не так далеко, чтобы жизнь была спокойной. После того, как жители деревни разбежались от незадачливой немецкой эвакуации и возвратились в свои хаты, мать перекрестилась на образ Николая Угодника: Слава тебе, Господи, что теперь мы дома и не надо никуда ехать! На эту её молитву я, глядя в потолок, как бы там что-то читая, проговорил: ещё поездим… и на телеге поездим и на машине. Мать обрушила весь гнев, смертельно уставшей женщины, на голову малолетнего прорицателя! Но через несколько дней подогнали машины, комендант кратко объяснил, что немцы могут прорвать нашу оборону…, погрузили и отвезли всех жителей подальше на восток. Были и ещё случаи, когда лепет малолетнего оракула сбывался, так что мать уже стала побаиваться моих прогнозов и заранее предлагала мне помолчать, если я не желаю получить незамедлительное вознаграждение в виде берёзового прутика.

Я же, как настоящий патриот, желал только одного: попасть на войну, так как не понимал, что нахожусь в самом пекле этой самой войны! В небе постоянно гудели самолёты, которые по принадлежности и типам чётко различал всякий

порядочный фронтовой ребёнок. Лично мне оставалось выбрать только понравившийся род войск. Пехота мне нравилась мало из-за её обмундирования: какие-то портянки, обмотки и все солдаты какие-то замусоленные… нет, не смотрятся! Конечно: танки, машины, пушки, наконец! Тут и рассуждать не о чем…, но здесь пока научишься, так и война кончится. Понятно, что больше всех не хотели, чтобы война кончилась – дети, особенно те, кто уже научился ходить и говорить.

Всё же случай мне помог. Мы с матерью шли по лесной дороге, когда мимо нас проезжала кавалерия. Лошади одной масти, на которых сидели осанистые кавалеристы в красивых мундирах и высоких шапках. Я на миг раскрыл от восхищения рот, из которого тут же вырвалось громкое пожелание: хочу с вами на войну! Кавалеристы ехали неспешно, копыта их лошадей чавкали по торфяной грязи и на мой призыв сразу же откликнулись: ты подрасти немного. А то ты ещё очень мал. На помощь мне пришёл высоко спиленный пень: поставь меня на него, – попросил я мать: Ну, теперь видите, какой я большой! Теперь возьмёте меня на войну? Кавалерия проходила мимо меня, кто из всадников усмехался, кто отворачивался, вытирая слёзы, а один вытащил из сумки шапку-папаху и, подъехав ко мне, нахлобучил её мне на голову: будем ехать обратно, мы за тобой заедим, – успокоил он меня. Я долго пытал мать: когда за мной заедут, а та рассуждала, что фронт большой и пока они его весь объедут…

Однажды в нашу хату назначили на постой солдат из хозяйственного взвода. Их было трое, но сплошной интернационал: молдаванин, литовец и украинец. Занимались они починкой обуви и гордо себя величали: мы сапожных дел мастера. Босиком много не навоюешь! В нашей хате на постое и до этих сапожников, и после них, было немало постояльцев, но все они, получив свой паёк: концентраты там разные, консервы, высыпали это всё на общий стол и просили мать, чтобы она готовила на всех. Мать и готовила, иногда добавляя что-нибудь и из своих запасов.

Сапожники сразу же повели себя по-другому. Была зима и в хате стояла временная небольшая печка. Вот её и приватизировали новые постояльцы, так что доступ к ней был для нас детей закрыт. Им подвезли дрова, для топки печки и для сапожных нужд. Они отпиливали деревянные колёсики, сушили их на печке, кололи и получали деревянные гвозди. Шилом прокалывали подошву и вбивали туда этот деревянный гвоздь. Смачивали и сухой деревянный гвоздь, разбухая, не давал подошве какое-то время отвалиться. Правда, наряду с деревянными гвоздями, был и некоторый процент медных гвоздей, изготавливаемых из медной проволоки этими же умельцами.

Помимо изготовления гвоздей, сапожники использовали печку и для приготовления себе еды. Печка зимой для детей самый необходимый ареал обитания, которого нас лишили, загнав нас на печь большую, русскую. Мало того, эти остро-

умцы стали придумывать себе развлечения. Мать нам строго запрещала подходить к людям, когда они едят и особенно, просить чего-нибудь и это «вето» мы не нарушали. Сапожники же садились есть, демонстративно нарезали хлеб, намазывали его толстым слоем масла или американской тушёнкой. Затем начинали своё пиршество, преувеличенно чавкая, сопя и даже похрюкивая от сладострастия. Покончив с трапезой, они изощрялись новой проказой, на этот раз с доброй порцией садизма.

Они приманивали нашу кошку, засовывали её в голенище сапога и начинали закручивать край голенища. Вскоре воздух там кончался и кошка начинала задыхаться. Когда этот шутник отпускал завёрнутый край, кошка с диким рёвом, пробкой вылетала из голенища и долго безумно металась, вызывая истошный восторг у её мучителей. Все эти шуточки сапожников происходили, когда матери не было дома, а мы не привыкли жаловаться, так что ей не пришлось лишний раз расстраиваться.

Разрешилось это всё неожиданно и быстро. Было утро, когда мать ещё была дома. Один из сапожников, по фамилии Дзюба, потрясая своим вещмешком, подступил к матери: это ты украла наши продукты, твою мать! Этих своих ублюдков немецких кормить? Мать от неожиданности обомлела и не знала, о чём идёт речь. Она даже подумала, что может мы что натворили. Как раз в это время в хату вошёл начальник этого подразделения, делавший обход:

– Что за шум? – осведомился он.

– Вот она украла наши продукты. Я вчера только паёк на нас троих получил.

– Вы действительно взяли их продукты? – обратился начальник к матери.

– Я чужое никогда не беру, – с достоинством ответила мать, уже пришедшая в себя. Тогда он подошёл к куче вещей:

– Это ваши вещи? – и, не дожидаясь ответа, стал перебирать вещмешки:

– А это что? Чьё это? – начальник быстро развязал шнур вещмешка и высыпал на стол содержимое:

– Я ещё раз спрашиваю Вас, что это такое?

– Я наверно, по ошибке, взял не свой мешок, – забормотал Дзюба.

– Собирайся! – рявкнул на него начальник. Все растеряно молчали.

– Встать! Смирно! Быстро собрались и вон отсюда! Поживёте в палатке, вам не место среди людей. А Вы уж простите великодушно, хозяйка. Я боевой офицер, тут после ранения…, а продукты эти, Вы заберите – это Вам хоть какая компенсация за нанесённую обиду. Это не от них, это от армии, за беспокойство, – добавил он, предупреждая возражение матери.

И всё-таки война не обошла своей разрушительной силой нашу хату. Вернувшись после очередной и, кажется последней эвакуации, мы увидели, какой тут гость побывал и заод-

но порадовались, что нас в это время не было дома. Откуда прилетал этот посланник смерти: с самолёта, миномёта – неизвестно, но он был мал по своей разрушительной силе и только смог проткнуть соломенную крышу, потолок из тонких досок и взорвался в «красном углу», осыпав осколками всё, что попалось ему на пути в хате! Поэтому, когда мать это увидела, она только перекрестилась на оставшуюся висеть в целости икону Николая Угодника: Свят, Свят…

Глава пятая. Не тот уже немец

Уже не стала слышна канонада, которая несколько лет гремела с разной громкостью, то с запада, то с востока. А вот воздушные бои ещё случались над деревней. Вся деревня переживала, как наши маленькие, но очень юркие самолётики, вертелись вокруг больших крестоносных самолётов. Все болели за наших, так как побитых немцев уже никто не боялся и не уважал. В доказательство нашего превосходства, один большой немец задымил, завыл и потянул к земле, к лесу, к болоту. Из него тут же вывалилось несколько точек, превратившихся в парашютистов. Теперь жители деревни из зрителей превратились в дружный отряд по борьбе с немецкой авиацией, но уже в полевых условиях, куда и приземлилась эта авиация. Самолёт, правда, шлёпнулся в болото, а вот немецкие лётчики здесь, на поле, прямо возле деревни. Они подняли руки, гаркнули ординарный пароль: Гитлер капут! И протянули, желающим принять, своё оружие.

– Нет, не тот уже немец! – солидно рассуждали старики.

На восстановленных колхозных полях, были организованы «подсобные хозяйства» для фронта, где вместе с местным населением, трудились военные. Но это на полях, а вот в лесу под конвоем работали пленные немцы. Они пилили лес, возили его на лесопилку, а уж из пиломатериалов делали ящики для снарядов и всё прочее для нужд войны, ко-

торую они так незадачливо развязали. Ещё их пытались использовать на ремонте дорог. Ведь не зря же немцы, оправдываясь в своих поражениях, ссылались на две причины: мороз и бездорожье. Вот справляться с одной из этих причин и пришлось этим бедолагам. Просёлочные дороги и в самом деле малопроходимые в любое время года, а весной и осенью они совсем никакие. Колёсами машин выбивались глубокие колеи, так что машины ползли, почти цепляясь осями за землю, особенно американские с низким клиренсом. Исправлять ситуацию пригнали немцев. Эти специалисты напилили чурбаки по размеру колеи, уложили их и довольные, что справились с этой тяжёлой и донельзя грязной работой, стали наблюдать за результатом. По этому настилу сразу же двинулся, долго ждавший своей очереди на проезд, «Студебеккер»…, после его проезда раздался вопль отчаяния дорожных ремонтников: все их дрова были выдавлены из колеи и торчали, как противотанковые ежи!

Лагерь военнопленных немцев находился в лесу. Жили они в землянках, в которых было по их жалобам: дымно и…, тут немцы добавляли русское ругательство.

Как-то раз, возле нашей хаты остановилась машина с пленными, и пока охранник куда-то отлучился, один немец соскочил с машины и подбежал к нашему крыльцу. Он достал из кармана свёрток и затараторил на ломаном русском языке: мыло, мыло, картошка. Я ещё не был готов к торговым операциям, тем более к бартеру и сбегал за матерью.

Немец повторил своё предложение и, отцепив от пояса котелок, протянул его матери. Та взяла котелок, сходила, насыпала в него картошку и протянула его немцу, а от протянутого свёртка с мылом, отказалась: сами мойтесь! С машины уже кричали немцу его друзья по несчастью, так как подходил охранник. Он обругал подбежавшего немца и помог тому залезть в кузов прикладом под зад. Но не все относились к этим военнопленным так жалостливо.

В деревне готовилась карательная операция по уничтожению немцев. Ясно, что операция готовилась в особо секретном режиме, а для её выполнения подбирались самые надёжные, самые смелые и отчаянные бойцы. Отбирал бойцов лично сам командир, которому было уже двенадцать лет! Его же гвардейцы были и того моложе. В вооружении недостатка не было, причём, всякого. Поля, овраги и особенно леса, прямо ломились от всевозможного стрелкового и не только, оружия. Ящики с толовыми шашками, гранатами, минами: стреляй – не хочу! И стреляли.

На берегу болота, в лесу, нашли миномёт и запас мин к нему. Была весна и лягушки, эти непуганые земноводные орали громче любого хора. Кому же это понравится, особенно, когда есть исправный миномёт! Начали посылать мины почти вертикально вверх, чтобы почувствовать прелесть настоящего боя. Мины, долетев до своей предельной высоты, возвращались назад с пронзительным свистом и, погрузившись в болото, громко лопались. Удивлённые лягушки на

время затихали, чтобы возобновить свой концерт с новой силой. Состязание шло, пока не кончился запас мин. Ассортимент подобных развлечений был весьма велик и разнообразен.

К примеру: рыбу удочками или сетями никто не ловил, её глушили гранатами или шашками тола, потом собирали с лодки. Особой остроты в таком добывании рыбы не было, и изощрённый ребячий ум отыскивал более интересные варианты. Этакий двенадцатилетний снайпер, ложился на высоком крутом берегу Днепра с огромной для его фигуры винтовкой, вставлял патрон с разрывной пулей. Другой же малолетний боец или девчонка, бегали около самой воды и указывали ручонкой: куда стрелять. Раздавался выстрел, пуля разрывалась в воде и на поверхности появлялась рыба! Случалось, что пуля делала рикошет…, что же: на то она и война!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.